

ДЖОН ГАТТО: КАК Я СТАЛ УЧИТЕЛЕМ

В преддверии Дня учителя

подготовила **М. ГАНЬКИНА**

Отрывки из книги известного американского педагога Джона Гатто «Фабрика марионеток / Исповедь школьного учителя / Скрытая суть обязательного школьного образования». М.: Генезис, 2006.

В 70-е годы я работал учителем, выходящим на замену в средних общеобразовательных школах, находящихся на территории между нынешним Центром имени Линкольна и Колумбийским университетом, моей alma mater, и между Гарлемом и Южным Бронксом.

По истечении трёх месяцев убогие условия труда, уродливые помещения, рваные учебники, постоянные мелкие придирки руководства, звонки, зуммеры, отвратительная еда в учительских столовых, мятая одежда, необъяснимое отсутствие разговоров о детях между учителями (и по сей день, после двадцати шести лет преподавания, я могу честно сказать, что ни разу не слышал ни в одной учительской комнате, где мне доводилось бывать, развёрнутого разговора о детях или о педагогике) практически доконали меня.

* * *

В первый же день моей учительской карьеры на меня напал мальчик, размахивающий над головой стулом. Случилось это в печально известной средней школе Уодлей, что на 113-й авеню. Меня привели в восьмой класс на урок машинописи — семьдесят пять учеников и столько же пишущих машинок — с единственным наказом: «Ни под каким предлогом не разрешать им печатать. У вас нет соответствующей лицензии. Это понятно?» Именно так инструктировал меня мужчина по фамилии Бэш.

Не прошло и шестидесяти секунд с того момента, когда я закрыл дверь и сказал, что печатать нельзя, как сто пятьдесят рук пробрались под чехлы машинок и начали тукать. Ну конечно же, не всё сразу — это было бы слишком просто. Сначала три машинки застучали справа сзади. Так, быстро, кто зачинщик? Я бросаюсь туда с криком «Прекратить!», но в то же мгновение за моей спиной начинают стучать три другие машинки. Крутятся во все стороны, как это может только молодой человек, я сумел поймать с полочным одного маленького мальчика. Тогда, под настоящую симфонию стучащих пишущих машинок, звоночков перекидываемых валиков, я выволок его из-за парты и громкогласно заявил, что показательно накажу этого негодяя.

[113 - 123]
Сценарии
и алгоритмы

128 ▶

«Осторожно!» — крикнула какая-то девочка, и я обернулся на её голос как раз вовремя, чтобы увидеть несущегося на меня старшего брата этого мальчика, который замахнулся на меня стулом. Отпустив его брата, я тоже схватил стул и поднял его над головой. Противостояние! Под ор и издевательство класса мы смотрели друг на друга с расстояния примерно в три метра. Мне показалось, что это длилось целую вечность. В этот момент отворилась дверь и в классе появился заместитель директора Бэш, тот самый человек, который запретил печатать.

— Мистер Гатто, эти дети печатали?

— Нет, сэр, — сказал я, опуская стул. — Но мне кажется, им этого хочется. Чем вы им предлагаете вместо этого заняться?

Секунду он смотрел на меня, пытаясь найти признаки дерзости или неповиновения, затем, видимо, передумав устраивать мне выговор за мой выпад, просто сказал: «Придумайте что-нибудь», — и вышел из класса.

Большинство детей засмеялись — они не впервые участвовали в подобном представлении.

Ситуация разрядилась, но мысленно я окрестил Уодлей «школой смерти». По дороге домой я зашёл в канцелярию и попросил секретаря больше не беспокоить меня, если им понадобится замена.

* * *

На следующий же день мой телефон зазвонил в половине седьмого утра.

— Вы можете сегодня выйти на замену, мистер Гатто? — спросил деловой голос.

— Кто звонит? — спросил я подозрительно. (В то время я замещал учителей в десяти школах.)

— В законе чётко сказано, мистер Гатто, что мы не обязаны представляться, пока вы не скажете, что готовы выйти на работу.

— Неважно! — заорал я. — Есть только одна школа, способная на такие уловки. Мой ответ — нет! Я никогда не выйду на работу в ваш свинарник!

И я швырнул трубку на рычаг.

По правде сказать, работа по замене других учителей была мало похожа на увеселительную прогулку: школы имели дурную привычку эксплуатировать замещающих учителей, не оказывая им при этом никакой поддержки. Возможно, я и вернулся бы в рекламное дело, если бы одна маленькая девочка, отчаянно пытавшаяся найти выход из невыносимой ситуации, не вовлекла меня в свой личный школьный кошмар и не показала мне, как я могу придать смысл своей учительской деятельности, так же, как этот смысл, необходимый нам всем для самоуважения, находили сильные мужчины с речных пароходов и товарных поездов моего детства.

Произошло это так. Иногда меня приглашали вести уроки в начальных школах. В тот раз я должен был вести урок в третьем классе школы, расположенной на 107-й авеню. Ученики школы на 99% были выходцами из стран Латинской Америки, при этом 99% преподавательского состава школы к Латинской Америке не имели никакого отношения.

Как многие отчаявшиеся учителя, большую часть дня я убил, слушая, как дети один за другим читают, а большую часть энергии потратил на то, чтобы ути-

хомировать класс. Класс был очень слабый, и никто не мог прочитать больше трёх-четырёх слов без запинки. И вдруг одна маленькая девочка по имени Милагрос быстро прочитала отрывок текста без единой ошибки.

После урока я подозвал её к своему столу и спросил, почему она учится в этом классе. Она ответила, что «они» (администрация) не переводят её в другой класс, потому что, как они объяснили её маме, она на самом деле читает очень плохо, а лишь воображает, что умеет хорошо читать. «Но, мистер Гатто, мой брат учится в шестом классе, а я читаю его учебник английского лучше, чем он!»

* * *

Я был заинтригован, но, по правде сказать, не сильно. Наверняка администрация знала, что делала. Однако маленькая девочка была так расстроена, что я предложил ей успокоиться и прочитать мне что-нибудь из учебника шестого класса. Я объяснил, что если она хорошо справится с заданием, то я поставлю перед директором вопрос о переводе её в другой класс. При этом я ни на что не рассчитывал.

Милагрос, однако, рассчитывала на справедливость. Принявшись за «Дьявола и Дэниэла Вебстера», она первые две страницы прочла без единой запинки. Боже мой, подумал я, она великолепно читает. Что она делает здесь? Может быть, это просто недоразумение, которое легко исправить? Я отправил её домой, пообещав поговорить с администрацией.

Я и не представлял, какое осиное гнездо разворошит моя просьба перевести Милагрос в более сильный класс.

— Вы много на себя берёте, мистер Гатто. Я что-то не припомню, чтобы замещающий учитель когда-либо указывал мне, как руководить школой. Вы окончили специализированные курсы преподавания чтения?

— Нет.

— Тогда оставьте эти вопросы специалистам!

— Но этот ребёнок может читать!

— И что же вы предлагаете?

— Я предлагаю, чтобы вы протестировали её, и если она не идиотка, то перевели бы её из того класса, где она сейчас учится, в другой, более сильный.

— Мне не нравится ваш тон, мистер Гатто. Среди наших детей нет идиотов. А у девочек вроде Милагрос есть масса способов ввести в заблуждение таких непрофессионалов, как вы. Речь просто идёт о ребёнке, который выучил наизусть один текст. Если бы мне всё время приходилось тратить на дебаты с подобными вам людьми, мне некогда было бы руководить школой.

Но как ни странно, я взял на себя роль заступника девочки, хотя понимал, что, возможно, мне не доведётся её больше увидеть. Я настаивал, и директриса в конце концов согласилась сама протестировать Милагрос в следующую среду после уроков.

Назавтра я сообщил об этом решении девочке. К тому времени я уже начал думать, что директриса, возможно, права — девочка вызубрила один текст, — но счёл своим долгом предупредить её, что она должна владеть словарным запасом учебника для продолжающих и уметь читать без запинки любой текст по усмотрению директора. Свой долг я счёл выполненным.

В следующую среду после уроков я дождался окончания испытания Милагрос. В 15.30 она робко приоткрыла дверь классной комнаты.

— Ну, как всё прошло? — спросил я.

— Я не знаю, — ответила она, — но я ни разу не ошиблась. Госпожа Хефферман была очень раздражена.

Я увидел госпожу Хефферман, директора школы, на следующее утро перед началом занятий. «Похоже, мы совершили ошибку с Милагрос, — сказала она сухо. — Её переведут в другой класс, мистер Гатто. Её мать уже поставлена в известность».

Несколько недель спустя, когда мне снова пришлось работать в этой школе, ко мне в класс заглянула Милагрос и сообщила, что её перевели в сильный класс и она там хорошо учится. Она дала мне открытку в запечатанном конверте. Вечером, по возвращении домой, я обнаружил конверт, всё ещё нераспечатанный, в кармане пиджака. Я открыл его и достал пёструю открытку с синими цветами. На открытке было написано: *«Таких учителей, как Вы, надо искать. Ваша ученица Милагрос».*

Эта простая фраза сделала меня учителем на всю оставшуюся жизнь. За всю историю моей трудовой деятельности это была первая похвала, которая имела какой-либо смысл. Я этого не забыл, хотя Милагрос больше никогда не видел, а услышал о ней снова лишь двадцать четыре года спустя. Однажды в газете я прочитал:

«Профессиональная награда в области педагогики. Государственный департамент образования удостоил Милагрос Мальдонадо, члена Объединённой федерации учителей, профессиональной награды в области педагогики «За достигнутые успехи и образцовый профессионализм». В 1985 году мисс Мальдонадо, преподаватель делопроизводства нью-йоркской средней школы имени Нормана Томаса, выпускницей которой она являлась, стала Учителем года Манхэттена, а год спустя стала лауреатом премии «Женщина чести», учреждённой Национальным советом женщин».

От редакции

Как оказалось, много общего у нас с этим американским учителем. И учительские проблемы, и школьные ситуации, и взаимоотношения с управленцами — очень всё узнаваемо...

Все учителя, хоть российские, хоть американские, конечно, очень разные — по возрасту, по характеру, по педагогическому стилю. Но нечто родственное объединяет хороших учителей. Что именно? У каждого из читателей будет своя версия. Нам же хочется подчеркнуть огромное и подлинное уважение к ученикам, вообще к детям — к их нуждам, возможностям, интересам.

С Днём учителя, дорогие коллеги!

